

ТРИ ИНТЕРВЬЮ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВАФФЕН СС

Вниманию читателя представлены три интервью с бывшими военнослужащими Ваффен СС. Оригиналы взяты с сайта, создатели которого явно симпатизируют гитлеризму, поэтому бывшие эсэсовцы в данном случае совершенно не стыдятся своего нацистского прошлого и явно гордятся тем, что делали на ВМВ. Они отвергают обвинения в военных преступлениях, совершенных солдатами СС на территориях оккупированных стран. В их словах нет ни намека на уважение к советским солдатам и к западным союзникам, наоборот, интервью изобилуют обвинениями в адрес армий стран-победителей в нарушении правил ведения войны и во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Надо сказать, такое имело место не со всеми ветеранами Ваффен СС: случалось, они находили в себе силы уважительно отозваться о советских, американских и британских солдатах и сделать негативные комментарии в адрес вождей Третьего Рейха. В данном случае ничего этого нет: эти люди были и остались убежденными нацистами...

ИНТЕРВЬЮ С ГАУПТШТУРМФЮРЕРОМ ГЕОРГОМ ИЗЕКЕ (GEORGE ISECKE)
ДИВИЗИИ [LEIBSTANDARTE](#) SS ADOLF HITLER И [HITLERJUGEND](#)

Георг Изеке во время ВМВ и много лет спустя...

Спасибо за то, что Вы согласились встретиться со мной. Я хотел бы начать с вопроса о том, что подвигло Вас на поступление на службу в СС?

Для меня это было простым решением. Я, в какой-то степени, поздно пришел в ЛАН. Я бы охарактеризовал СС как гибрид римской преторианской гвардии и гусар-телохранителей кайзера – отборные и преданные делу воины. До войны вступить в ряды СС было очень трудно: ты должен был иметь рекомендации, сдать экзамены и пройти очень жесткий отбор. Я до сих пор помню медицинское обследование и устный экзамен.

Рейхсфюрер СС Гиммлер создал эти войска для того, чтобы они стали новым авангардом для Германии, который поведет нас в новую эру, в которой все будет для народа и для

того, чтобы он существовал всегда. Мы должны были доказать, что наши предки были на 100% нордическими германцами. Я имею в виду то, что они были немцами, которые являются особым племенем среди нордических народов и имеют уникальные расовые черты. Гиммлер полагал, что эта расовая линия находится под угрозой, и выработал программу, которая гарантировала бы нашему народу выживание путем концентрации усилий на поддержании генетической чистоты.

СС в национал-социалистической Германии была весьма элитной группой. Если ты состоял в СС, ты и в самом деле что-то представлял из себя. Нам полагались огромные льготы, хороший заработок, уважение и даже кое-какая власть в государстве. Это был естественный выбор для меня даже при том, что у меня были друзья, подталкивавшие меня к этому. Это был хороший трамплин для продвижения вверх по военной или коммерческой линии.

Мне рассказывали, что боевая подготовка в СС была чем-то особенным: по новичкам стреляли боевыми патронами, испытывали на их касках боевые гранаты, им капитально, днем и ночью промывали мозги. Что Вы можете рассказать об этом?

Боюсь, Вы получили недостоверную информацию. Некоторые авторы любят изображать нас как суперсолдат, которые были лучше всех прочих, но мы такими не были. Мы истекали кровью и умирали так же, как и все остальные. Нас отличали твердая вера в правильность наших убеждений и наша верность вождю. Мы использовали боевые патроны на стрельбищах, боевые гранаты, проходя специальный курс обучения, но каски ими никогда не тестировали. У нас хватало инцидентов в ходе обучения, поэтому нужно было быть предельно осторожным. Большая часть людей в прошлом не имела никакой военной подготовки, так что все это было первым в жизни опытом обращения с оружием.

У нас были политические дискуссии, но это, в большей степени, было нацелено на понимание того, что происходит в мире, и проходили они в неформальной обстановке. Иногда наши командиры собирали нас в учебном помещении, чтобы ознакомить с изменениями в законах и государственной политике. Само собой, от нас ждали, что мы прочтем *Mein Kampf*, чтобы у нас появилось глубокое понимание причин национал-социалистической революции. Но не каждый эсэсовец был членом НСДАП.

Наше обучение было сфокусировано, прежде всего, на муштре, стройподготовке и аккуратности. Мы рано ложились спать, рано вставали, делали упражнения, бегали, плавали, занимались другими видами спорта. Нас инспектировали, и в зависимости от результатов, после инспекции у нас мог быть как свободный, так и рабочий день. Нас также посылали на общественные работы: мы помогали пожилым людям в их хлопотах и уборке. Я проводил время с ветераном войны 1870-1871 годов. Я восхищался его *Железным Крестом* и надеялся, что смогу когда-нибудь заработать свой. Он был очень старым и придиричивым, но я получал удовольствие от того, что мы делали для него. Так что вот такой была ранняя стадия нашей подготовки – много физических нагрузок, много маршировки и черновой работы.

Приходилось ли Вам видеть Гитлера, когда вы служили в LAH?

Да, не один раз. Мы были названы в его честь, и он часто посещал нас. Один из моих товарищей рассказал мне такую славную историю. Он служил в охране [рейхс]канцелярии, дело было жарким летом 1939 года. Фюрер прибыл поздно, когда уже стало припекать. Он забеспокоился о своих солдатах в черной форме и попросил, чтобы их почаще сменяли и давали лимонад. По этой причине им стали давать стакан этого напитка, когда они стояли в карауле, - неслыханное дело, но таким человеком был Фюрер. Рассказывали, что он купался в нашем бассейне в Лихтерфельде/Lichterfelde, но сам я этого не видел.

Я так понял, что Вы воевали на Восточном фронте в составе танкового полка LAH. Каково Вам было там?

Да, воевал. Мне была интересна новая техника, и в Польше и Франции я видел, на что она способна. Когда мы атаковали Россию, она использовалась с большой эффективностью,

но ее всегда было слишком мало, и она быстро стала уступать Т-34 и русским машинам других моделей. Я получил офицерское звание и служил в частях с громкими именами. *Иваны* нас хорошо знали, и им хорошо платили за наши головы.

Наш танковый полк раз за разом побивал *Иванов*: где бы мы ни оказывались, рос наш боевой счет. [Зепп Дитрих](#) (Sepp Dietrich) и [Пауль Хауссер](#) (Paul Hausser) добивались того, чтобы мы получали самую лучшую технику, что сильно озлобляло армейских. Мне довелось воевать на новом Pz.IV с длинноствольной пушкой и видеть, как она поражает Т-34 с большого расстояния, - раньше такой возможности у нас не было. До того момента мы могли использовать для этого только наши противотанковые 75-миллиметровки.

Проблема, с которой сталкивались танкисты, заключалась в том, что боевые машины были всего лишь машинами и часто выходили из строя. Иногда это случалось в самый неподходящий момент. Я видел это много раз, и наши ремонтники снова и снова вели себя просто героически.

Какое впечатление произвел на Вас русский солдат?

Он был занятным парнем. Большинство из них были ужасными людьми, а как солдаты и того хуже. У них не было никакой дисциплины, и, когда они стояли не на передовой, они иногда вели себя словно животные, воровали друг у друга, дрались и даже убивали. Я видел это в 1941-м (*речь, видимо, идет военнопленных – ВК*): офицер-политработник приказал убить тех военнопленных, которые помогали нам. Я знаю, что его [изъяли из группы пленных] и расстреляли, а после этого эпизода комиссаров не оставляли среди обычных солдат.

Я хотел бы добавить кое-что, касающееся военных преступлений. Сегодня нас обвиняют в нарушениях всех правил [ведения войны] и подписанных конвенций. С самых первых дней операции *Barbarossa* русские нарушали правила ведения войны, конечно же, сегодня они пытаются обвинить в этом нас, но я своими глазами видел убитых выстрелом в голову солдат, которые явно сдались в плен. Эти сцены преследовали нас на протяжении всей войны. У нас был строгий приказ придерживаться Гаагской и Женевской конвенций, но наше командование осуществило ревизию этих правил для нас, так как мы были фронтовиками.

Некоторым было трудно держать свой гнев под контролем, и иногда виновные [в нарушении правил], особенно [советские] политработники, расплачивались за это своей жизнью, попадая в плен. Они были особенно жестоки по отношению к гражданскому населению тех районов, которые отвоевывали у нас: кажется, они убивали любого, кто вел себя дружелюбно по отношению к нам. Я сам это видел. Хочу добавить, что мы хорошо обращались с русским населением, а они давали нам еду и кров, и у многих из наших были русские подруги. Хотя нам и говорили не вступать в сексуальные отношения, потому что могло возникнуть впечатление, что мы пользуемся своим положением, многие на эти приказы не обращали внимания, потому что находили русских женщин привлекательными.

Как случилось, что Вы оказались в Дивизии *Hitlerjugend*?

К 1943 году я был обстрелянным бойцом Восточного фронта, доказал свою ценность и служил вместе с Максом Вюнше (Max Wunsche, 1914-1995, на фото слева), хорошо известным танкистом. Его попросили влиться в группу ветеранов новой дивизии, и он дал согласие. Я был его адъютантом, так что, когда он ушел, я последовал за ним. Когда я увидел, что эта новая дивизия будет комплектоваться за счет парнишек из *Гитлерюгенда*, я был настроен довольно скептически относительно перспектив ее превращения в эффективную боевую единицу. Мы начали обучение

персонала по частям в конце 1943 года.

Георг Изеке (в черной форме) на спортивном празднике со старшими офицерами и личным составом Дивизии Hitlerjugend

Что из себя представляла боевая подготовка?

Она сильно отличалась от той, через которую прошел я: мы отбросили всякую муштру и полировку [сапог и пряжек]. Сфокусировались исключительно на тактике боя и подготовке этих пацанов к сражениям. Все знали, что скоро откроется новый фронт, и логичным выбором [для союзников] будет северное побережье Франции. Обучение проходило в Бельгии, и окрестные земли были превращены в огромный полигон, военные игры на котором проводились каждую неделю.

Эта новая дивизия медленно приобретала черты боевого соединения, и эти ребята, которым было лет по 17-18, были полны желания ударить по врагу. Я с Максом числился в танковом полку Дивизии *Hitlerjugend*, и мы часто выводили экипажи на полевые занятия и настолько хорошо ознакомили их с машинами *Pz.IV*, что они могли запрыгнуть в них, запустить двигатель и в полной темноте быть готовыми вступить в бой через две минуты.

Танковый полк получил хорошие машины, к нам попали даже несколько *Пантер*, но, исходя из приобретенного под Курском опыта, мы не особенно желали видеть их на поле боя, однако инженеры убедили нас в том, что их *детские* недостатки устранены. Дивизия и в самом деле стала единым целым, так что к марту 44-го мы были полностью готовы вступить в бой и жаждали сразиться с союзниками. Все гадали, где они будут высаживаться. Хочу сказать Вам, что население Бельгии относилось к нам очень дружелюбно. Могу привести такой пример: у вестовых сломался мотоцикл, так фермер погрузил их и машину на свой прицеп и привез в наше расположение, накормив досыта. [Мейер](#) (Kurt Meyer, командир полка) сделал все, чтобы ему заплатили за бензин и за потраченное время.

Сталкивались ли Вы с актами сопротивления в Бельгии?

Нет, в Бельгии все местные жители вели себя корректно, как и мы. Иногда мы могли слышать о появлении листовок, в которых выражалась симпатия союзникам, но мы были уверены в том, что их сбрасывали с самолетов, - союзники активно подстрекали местное население к борьбе против нас и сопротивлению, что противоречило правилам ведения войны. У нас были очень хорошие отношения со всеми местными. Я даже знал одну вдову,

которая делала для нашего штаба выпечку и прочие вкусняшки. Ее дочка училась в университете и часто проводила время с нашими ребятами, обучая их поэзии.

Когда мы попали во Францию, положение изменилось. У союзников на побережье были агенты, подстрекавшие гражданское население к сопротивлению. На пути в Нормандию был эпизод, в котором с рельсов сошел состав с взрывчаткой, при этом погибли кондуктор и солдат. Виновные в этом были расстреляны как террористы. Мы были во Франции, начиная с марта 1944 года, и у нас не было никаких проблем с местными: они были вполне дружелюбны по отношению к нашим молодым ребятам. Мы слышали о других инцидентах и все время были начеку, зная о шпионах и саботажниках. Мы поймали одного такого, который был сброшен [на парашюте] в ночное время и при приземлении сломал ногу. Патруль нашел его и доставил в наше расположение, мы вызвали полицию, чтобы они его забрали. То есть, союзники пытались проявлять значительную активность в нашем районе. Я стал замечать увеличение числа их самолетов в небе, начиная с апреля. Мы знали, что день вторжения приближается: они обстреливали и атакывали нас, мы понесли первые потери.

Каким было начало вторжения для Вас и Вашей дивизии?

Мы были в состоянии боевой готовности всю первую неделю июня, однако [Витт](#) (Fritz Witt, командир дивизии) сообщил, что погода и прогнозы могут отодвинуть высадку, но независимо от этого наши ребята были готовы. Я рвался в бой, потому что авианалеты происходили каждый день: на железнодорожные депо, мосты, участки базирования часто падали бомбы. Были случаи, когда кто-то валил деревья, укладывал мины, по всей Нормандии стали заметны люди, ведущие какие-то наблюдения. В этой связи я не был удивлен, когда утром 6-го это началось. Нас перебросили в [сектор боевых действий под Кан/Саен](#), где мы попали под огонь артиллерии и атаки истребителей-бомбардировщиков. Мы понесли потери, и несколько французов подошли к нам и сказали, что в глубине суши были высажены воздушные десанты.

Немецкие солдаты и офицеры были сильно озадачены происходящим, многие были разгневаны из-за того, что к побережью не перебрасывают большее количество войск. Роммеля на месте не было, и Фюрер не получал должных рекомендаций от армейского командования. Казалось, союзники уже везде, и звуки боя доносились до нас с фронта, с тыла и обоих флангов. Витт боялся того, что мы окажемся в окружении, и приказал наступать...

Могу ли я задать Вам очень личный вопрос: я знаю, многие негативно относятся к обсуждению вопросов, связанных с военными преступлениями, но Вас и Ваш батальон обвиняли в [убийстве канадских военнопленных](#). Можете ли Вы пролить свет на то, правда это или нет и что на самом деле произошло?

Ага, это – популярная тем для обсуждений в наши дни. Ваш президент посетил кладбище, на котором похоронены павшие солдаты СС [вероятно, речь идет о посещении американским президентом [Рональдом Рейганом](#) (Ronald Reagan) в 1985 году кладбища в западногерманском городе *Битбург/Bitburg* и возложении им цветов на могилы погибших эсэсовцев – ВК], и ни с того ни с сего все стали указывать на преступления эсэсовцев, где все было не так понято или превратилось в басни. [Канадцы были первыми солдатами, с которыми мы столкнулись](#), и я помню, как днем 7-го и в ночь на 8 июня они атаквали наши позиции, которые обороняли и эсэсовцы, и солдаты. Наш командир дал нам понять, что мы должны следовать правилам, даже если противник иногда их нарушает.

В то же время был найден дневник одного из убитых [вражеских] офицеров, в котором была запись о том, что канадцы не берут пленного согласно приказу, поступившему сверху. Мы были озадачены, потому что о западных союзниках всегда говорили, что они соблюдают те же конвенции, что и мы. Мейер приказал привести пленного канадца для допроса, и, к его удивлению, один из них рассказал нам об этом приказе, тогда как другие полностью отрицали, что знают о нем, и сказали, что стали бы по-доброму обращаться с любым сдавшимся в плен немцем, но, думаю, сама ситуация заставила их сказать это. Слухи об этом разнеслись по батальону, однако Витт и Мейер незамедлительно дали понять, что

требуется осторожность, поскольку нужна дополнительная информация. Тем не менее стали поступать новые сообщения о найденных трупах немецких солдат, которых застрелили вместо того, чтобы взять в плен. И вот еще что я знаю – многие пленные были уведены в тыл, а канадцы утверждают, что мы всех их расстреляли. Скажу так: такое было возможно из-за того, что называют *туманом войны/fog of war* или из-за озлобления, появившегося у людей из-за ранее увиденного. Разгневанный, растерянный офицер мог приказать сделать это, полагая, что канадцы собираются вести себя именно так. Чтобы о нас думали лучше, я скажу, что были отданы приказы брать в плен всех военнослужащих противника. Мы не были такими жестокими и безжалостными, как наш враг. Суд не обнаружил нашей вины в произошедшем, а некоторые доклады, касающиеся отданных канадцам приказов, были засекречены. После войны я узнал, что и в самом деле они получали приказы не брать пленных. Почему они пошли на это, могу только догадываться, но я верю в то, что пропаганда, обрушившаяся на них в Англии, спровоцировала ненависть, которую могло утолить только убийство.

Трупы американских военнопленных, расстрелянных немцами в первые дни вторжения в Нормандию близ деревни Эмве/Немеvez

Что из себя представляло сражение за Нормандию?

Оно было хаотичным, [материальное и численное] превосходство, которое было у союзников, потрясло воображение, но мы вопреки всему достойно сражались два месяца. Дивизию *Hitlerjugend* использовали на передовой для удержания оборонительных позиций. Союзники наносили по нам один удар за другим, иногда мы атаковали их с большим успехом, но нас отбрасывали назад огонь артиллерии и неиссякаемый поток людей и машин противника. Я горжусь тем, что удалось достичь нашим ребятам – юные, неопытные солдаты задержали лучшие соединения союзников. Они нанесли нашему противнику огромные потери, сражались с честью и решимостью, которые можно ожидать от отборных бойцов. Я гордился тем, что служил с ними и вел их в бой. Моя война в Нормандии закончилась в начале августа.

Американцы прорвались на нашем фланге и свернули наши оборонительные позиции. К ним присоединились канадцы и британцы и опрокинули наш противоположный фланг, теперь мы отступали (речь идет о Фалезском котле – ВК). Оказавшись изолированным от моего друга и командира [Вюнше], я был задержан американским патрулем, когда пытался добраться до наших позиций. Скажу так: американские солдаты были очень грубыми и вели себя совершенно непрофессионально. Они избивали и обокрали меня, что противоречило правилам, а сегодня они осмеливаются утверждать, что они поступали так, потому что это делали мы. Это неправда. Мы обращались со сдавшимися в плен с уважением и добротой, оказывали помощь раненым, делали все, чтобы они были в безопасности. Один раз я увидел группу пленных, которых атаковали их же летчики, и наши солдаты сделали

все возможное, чтобы защитить их, на свой страх и риск. Единственным черным эпизодом был случай, о котором я говорил выше, да и тот, более чем вероятно, был актом мести за то, что противник сам убивал попавших к нему в плен. Он несет за это такую же ответственность, как и любой из наших.

Памятник на месте убийства 20 канадских военнопленных солдатами Дивизии Hitlerjugend

Вот что рассказал Изеке о том, как попал в плен и как провел время в плену согласно другому источнику (Baby Division, Michael Peterson, 2008): «Я был взят в плен 24 августа к югу от Фалеза близ Труна американскими солдатами. Партизаны хотели расстрелять меня на месте. Они были ублюдками. Американские солдаты не дали им этого сделать. Меня отправили в Канаду, где я оставался до октября 1945 года и где со мной обращались сравнительно неплохо. Оттуда в начале 1946 я был отправлен в Англию, где меня морили голодом на протяжении пяти месяцев. Затем на переправили в Шеффилд, где условия были получше. Со временем меня перевели в Шотландию...»

Я побывал в нескольких лагерях для военнопленных, самым лучшим из них был лагерь в Шотландии в 1946 году. Его комендантом был человек, в прошлом побывавший в плену в одном из наших лагерей. С ним обращались очень хорошо, и он отблагодарил нас за это. Он был тем человеком, благодаря которому я захотел вернуться в Шотландию – ее люди тесно связаны с нашими германскими корнями, им присуще чувство чести и любви к нашему европейскому дому. Я хочу завершить разговор, подчеркнув, что судебное следствие по делу нашей дивизии завершилось снятием обвинений и вынесением существенно более мягких приговоров.

<http://www.mourningtheancient.com/ww2-x2.htm>

<https://forum.axishistory.com/viewtopic.php?f=38&t=143499&start=15>

<https://warfarehistorynetwork.com/article/massacre-at-hemevez/>

ИНТЕРВЬЮ С ПАУЛЕМ ЭГГЕРОМ (PAUL EGGER, 1916-2007) – ДИВИЗИЯ [DAS REICH](#)

Расскажите о начале Вашего пути в СС?

Я был молодым парнем, выросшим в Штайермарке/Steiermark (Австрия). Сначала я завидовал летчикам, которые, казалось, наслаждаются свободой, паря в облаках, и я знал, что меня тянет туда. В Австрии не было молодежных организаций, как в новом Рейхе, но было достаточно поддержки, чтобы я смог начать обучение полетам на планере. В 1938 году, когда мы воссоединились с Рейхом, в моей жизни произошли изменения. Я окончил школу и получил должность клерка, но меня это не устраивало. Когда произошло возвращение в Рейх, я быстро покинул свою работу и подал заявление о поступлении на службу в *Люфтваффе*. Меня приняли и направили учиться летать на бомбардировщиках нового типа – пикировщиках. Моя подготовка прошла быстро, и я получил квалификацию летчика. Затем неожиданно началась война: мы ведь верили в то, что Фюрер не даст втянуть страну в новые войны, но ситуация вышла из-под его контроля. В августе (1939-го) я получил назначение в *KG51* [(Kampfgeschwader (Авиакрыло) 51] *Edelweiss*. Нас перебросили поближе к границе, каждый день мы получали сообщения о развитии событий в Польше. У нас было немного времени на обучение, так что мы побаивались, что нам придется воевать, не имея должной подготовки или опыта.

Когда объявили о начале войны, было раннее утро. Мы получили инструкции, были намечены цели: железнодорожные депо и военные инсталляции. Я помню, как нам рекомендовали соблюдать осторожность: сообщили, что дороги будут забиты беженцами и что посреди толп могут быть польские военные машины. Я говорю об этом, потому что союзники обвиняли нас в преднамеренных атаках на гражданское население, но мы сворачивали с боевого курса, чтобы не атаковать участки или объекты, на которых могли быть мирные люди. Одна армейская часть подала жалобу на меня, потому что я не стал атаковать колонну вражеской бронетехники, которая потом нанесла потери группе *ланцеров*. Мне показалось, что в той колонне были гражданские автомобили, так что я решил не атаковать ее. После Польши у меня появился шанс перевестись в истребители, так что я воспользовался им и стал учиться летать на *Me-109*, пройдя соответствующий курс как раз к началу Французской кампании. Это были тяжелые бои: мы уступали оппоненту в численности и столкнулись с противником, у которого было много месяцев на подготовку. Один из грандиозных мифов той войны заключается в том, что *Люфтваффе* превосходило врага качественно и количественно, но на самом деле было наоборот. Мы понесли ужасающие потери, и только мастерство и храбрость наших летчиков решили исход борьбы. У меня до сих пор есть чувство, что *Спитфайры/Spifire* и *Харрикейны/Hurricane* были лучшими машинами, чем ранние версии *Me-109*. Даже [Галланд](#) (Adolf Galland) и [Мельдерс](#) (Werner Mölders), которых я встречал, соглашались с этим. Они оба говорили мне о том, что был только один способ победить противника – думать о том, что он в состоянии сделать, а не о том, что он [теоретически] мог бы сделать.

В ходе [Битвы за Британию](#) я был сбит трижды и после более 100 вылетов был тяжело ранен в голову, что положило конец моей карьере летчика. После этого я получил назначение на штабную работу в истребительной авиации.

Чем привлекла Вас служба в СС? Какое впечатление на Вас производил Гитлер, раз Вы сами были из Австрии?

Вы, американцы, не понимаете одну простую вещь: Германия и Австрия настолько тесно связаны друг с другом в языковом и культурном плане, что многие считают нас одним народом. Если Вы приедете в одну, а потом другую страну, Вы увидите ту же архитектуру, будете есть ту же самую еду, говорить на одном и том же языке, придерживаться одних и тех же обычаев. Тут нет никакой существенной разницы, если не считать небольших отличий в местных традициях. Рейх добился больших успехов под руководством Гитлера, австрийца, так что мы хотели присоединиться и быть столь же успешными, поскольку наша страна все еще пребывала в [экономической] депрессии. На него смотрели как на великого вождя, который спас Германию от хаоса и восстановил порядок. Я видел эсэсовцев в черной униформе во время их слетов на фотографиях и во время моих поездок в Рейх, я видел, как они прогуливаются с самыми красивыми девушками. Я все время думал о том, что было бы здорово влиться в эту элитную группу молодых людей. Я никогда не уделял большого внимания расовым идеям, в которые они верили, но мне нравилось то, что СС пытается сохранить германскую историю, - то, что стали забывать в эпоху [Веймарской республики](#). Один из моих приятелей записался в Ваффен СС, и ему в этих войсках очень понравилось, так что в 1941 году я обратился с просьбой о переводе на службу в СС. К этому моменту в *Люфтваффе* было больше людей, чем требовалось, так что проблем с этим не было.

Обучение в СС было жестким и суровым, наши тела стали сильными, а наши мозги – железными, готовыми к самым трудным ситуациям. Мы стали крепко связанными друг с другом, нам привили твердую веру в наше дело. Я выбрал себе подготовку к службе в противотанковых частях и стал обучаться использованию малоомощной 37-мм пушки, которую к 1941 году пора было снимать с вооружения. Даже инструктора говорили нам, что пользы от нее не было никакой даже в Польше. Нас учили применять ее для обездвиживания танков точными выстрелами по гусеницам или погону башни. Я хорошо научился всему этому, что потом мне очень пригодилось.

Каким для Вас было начало войны с Россией?

Когда разразилась война в России, меня перевели в мотоциклетную разведывательную часть вместе с моим противотанковым расчетом. Мы добились грандиозных успехов в боях против русских: количество взятых в плен и в самом деле потрясало воображение. Я верил в то, что победа придет в очень скором времени. Мы уступали в численности, но отбивали все их контратаки с тяжелыми для них потерями. Координация наших действий с *Люфтваффе* работала как часы: когда бы мы ни наталкивались на их позиции, над головой появлялись самолеты и делали свое дело. Я получил назначение в Дивизию *Das Reich*, поскольку в нее принимали людей со всей страны, и в ней было много австрийцев. Помню один эпизод недалеко от [Ельни](#): мы продвигались вперед, когда русские неожиданно контратаковали нас силами большой группы танков. Я сумел воспользоваться моей 37-миллиметровкой, уничтожив пять машин, наш ствол при этом раскалился докрасна. Мы отбили эту атаку, которая застала нас врасплох, при этом противник многократно превосходил нас в численности. Про себя я решил, что русские танкисты, кажется, не знают, как уклоняться от нашего огня, и благодаря этому стал думать о том, как перейти в танковые войска.

Я до сих помню, какой огромной казалась мне Россия, какими бесконечными были ее дороги и просторы, как много в ней жило людей. В каждом городе и деревне, которые мы

занимали, все еще оставалось гражданское население. Этим людям незачем было бояться нас, и мы от них ничего плохого не ждали. Я был счастлив видеть в деревнях молодых женщин моего возраста, особенно когда стояла плохая погода, потому что нас обычно приглашали на постой в небольшие домики вместе с ними. Сегодня говорят, что солдаты Вермахта и особенно СС насильвовали русских женщин. Я смею уверить, что это не имеет ничего общего с реальностью. Помню, как я один раз сказал вслух, что неплохо было бы одним холодным утром оказаться в постели кое с кем из русских женщин, так на следующий день я был вызван в палатку командира. Он сказал мне, что хоть и знает, что мои слова были невинной шуткой молодого парня, мы должны помнить о том, что русская женщина является такой же европейкой, как и немецкая женщина, и мы ни в коем случае не должны подрывать свою репутацию сплетнями о том, что они доступны или являются трофеем. Он не хотел, чтобы дело выглядело так, будто мы хотим заполучить русских женщин в качестве добычи.

Если немецкий солдат добивался женщины силой, его расстреливали, - это было сказано всем нам с полной ясностью, и я слышал о нескольких парнях, которых обвинили в этом и которые заплатили за это своими жизнями. Русские мирные жители помогали нам не один раз, особенно во время жутко холодной зимы 1941-1942 годов. Где-то в это время я начал проводить время рядом с танкистами и нашел среди них многих товарищей. Мне очень хотелось начать карьеру в новом для себя деле, и это подразумевало, что мне не придется больше тягать за собой пушку. К концу 1941-го мы стояли в окрестностях Москвы, и я лично мог разглядеть в стереотрубу башни церквей. Мы были очень близки к победе над русскими, потому что я верил, что, если мы атакуем их столицу и нарушим железнодорожное сообщение, это сломает хребет Сталину. Японцы повернулись к нам спиной после того, как мы подписали с ними [Берлинский пакт](#); я так понимаю, они все еще были раздосадованы тем, что мы в недавнем прошлом снабжали китайцев. Если бы они нанесли удар из Монголии большими силами, это предотвратило бы прибытие [на Советско-Германский фронт] подкреплений, которые атаковали нас в самое неподходящее время. Дивизия *Das Reich* была по большей части уничтожена во время их зимнего контрнаступления; это стало большим сюрпризом для нас, поскольку мы считали, что с Россией все кончено.

Мне посчастливилось выжить. Мы были сматы, а свежие, прибывшие с востока советские солдаты были мясниками. Я видел, как они убивали тех, кто сдавался в плен, и, казалось, они теряют голову в своей жестокости. Во время локальной контратаки мы отбили ранее оставленную деревню. В ней жило около 40 местных, когда мы отбили ее, они оказались убитыми. Их сочли предателями, а хорошенькая девушка из семьи, в доме которой я был на постое, была изнасилована и убита выстрелом в голову. Это было тяжким зрелищем и надолго оставило у меня определенные представления о советских солдатах. Мы вскоре снова оставили эту деревню и не сумели похоронить убитых, так что я уверен: потом Советы обвинили в убийствах солдат из *Das Reich*.

Каким для Вас был переход в танкисты?

После той русской зимы я чувствовал себя надломленным и стал бояться того, что эта война выйдет из-под контроля. Поскольку мы объявили войну Америке, я стал вспоминать рассказанные людьми постарше истории о прошлой войне, о том, как союзники обрушили на нас всю свою колоссальную мощь, чтобы добиться победы. У меня было такое чувство, что это повторяется снова. *Das Reich* отвели с фронта для отдыха и пополнения, и я решил, что хочу перевестись в танковый полк. Я переговорил с моим командиром, и он дал согласие на это. Весной 1942-го меня отправили на обучение, где я был посажен на танк *Pz.III*. Мне нравилась черная униформа, и, когда я шел по улицам города, где проходила подготовка, я чувствовал, что принадлежу к самой что ни на есть элите. Я получил назначение в 8-ю Роту, и она была оснащена новыми *Pz.IV*. Я был полон желанием снова вступить в бой. Меня отправили во Францию для дальнейшего обучения, и там на меня

произвел впечатление местный образ жизни: люди были расслабленными, и никто бы с виду не сказал, что где-то идет война. Новости с фронтов снова стали обнадеживающими. После того, как мы остановили зимнее контрнаступление, наши войска снова продвигались вперед. *Das Reich* получила пополнения и новую технику, в которых сильно нуждалась. Помню, что к июню 1942-го все части дивизии собрались вместе, и мы приступили к жесткой и напряженной подготовке в качестве панцергренадерского соединения. Пехотинцев учили полагаться на *панцеры*, танкистов – на пехоту.

Я встретил француженку, муж которой покинул ее и бежал в Англию. Могу сказать, она была преисполнена печали, и, будучи близкими по возрасту, мы стали друзьями. Мы прогуливались и говорили о жизни и том, через что прошли. Я с нетерпением ждал выходных, чтобы увидеться с ней, и испытывал ревность, когда мои товарищи говорили о том, что она хороша собой и нуждается в их компании. Она стала мне хорошим другом и отдушиной от войны. Я пытался остаться с ней в контакте, но на более позднем этапе войны делать это становилось все труднее и труднее. Я увиделся с ней еще раз перед сражением в Нормандии, но это было в последний раз. Я пытался найти ее в начале 1960-х, и мне конфиденциально сообщил ее сосед, что она была атакована и избита, как коллаборационист, после чего ей пришлось бежать, и никто не знал, куда она подевалась. Ее муж так и не появился в поле зрения, так что, возможно, они нашли друг друга и домой не вернулись. Я до сих пор помню, как она была привлекательна и как забавно смеялась, она была хорошим другом, и я надеюсь, судьба была благосклонна к ней...

С новыми *панцерами* у меня все пошло хорошо, и я был повышен в должности до командира танка. Нам объявили, что *Das Reich* снова отправляется на восток. Я был в экипаже *Pz.IV* с длинноствольной пушкой, и, что удивительно, был полон желания снова сразиться с врагом и расплатиться с ним за зиму 1941-го.

Германию обвиняют в самых ужасающих зверствах, особенно на Восточном фронте. Вы были их свидетелем?

Вы должны понимать, что считать зверствами: это означает преднамеренную жестокость, особенно по отношению к мирному населению. У Вермахта были очень хорошие отношения с русскими людьми, и существуют миллионы фотографий, из которых видно, что это не было постановкой. Мы не расстреливали пленных, как нам это приписывают: они представляли собой ценный материал для разведки, и многие из них вступили в антибольшевистские формирования, сражавшиеся бок о бок с нами. Сегодня историки не пишут о них, но из большого числа взятых в плен русских были сформированы соединения, которые помогали нам воевать. Сталин потребовал, чтобы всех их вернули после войны, и большая их часть была уничтожена как предатели. Сегодня русские раздувают число своих погибших, и некоторых из этих жертв записывают на наш счет. Были времена, когда партизан, среди которых были мужчины, женщины и даже дети, ловили за нарушениями правил ведения войны. В некоторых случаях они творили страшные вещи с нами и со своими соотечественниками, которые нам помогали. Будучи пойманными, они попадали под суд своих же стариков или наших офицеров. Если они были виновны в попытках саботажа, в большинстве случаев их отправляли в лагеря. Если их признавали виновными в убийствах, их вешали или расстреливали. Союзники любят демонстрировать фотографии, которые нам разрешали делать во время казней, в качестве доказательства наших зверств или военных преступлений, но это не было ни тем, ни другим. Я ни разу не видел, чтобы казнили молодых людей, если они не были убийцами.

Расстрелянные немцами перед отступлением местные жители. Место съемки: станция Ирша, Житомирская область, декабрь 1943 — январь 1944 года.

Вы знаете, во Франции нас обвинили в том, что мы сожгли целый городок, уничтожив большое количество заложников (*речь идет о городке [Орадур-сюр-Глан](#) – ВК*). Я хочу объяснить, что произошло. В то время как я не был среди тех, кто появлялся в окрестных городках, некоторые из моих товарищей там бывали. Операции *маки* были ничем иным как безответственными действиями, военными преступлениями и террором по отношению к невинным людям. Мы сталкивались с убийствами солдат некомбатантами, иногда очень жестокими, и, когда последних отлавливали, они и все те, кто помогал им, становились предметом нашего законного возмездия.

Орадур является примером того, как целый городок не стали оккупировать, и он превратился в рассадник для *маки*. Целый район был оставлен сам по себе и был готов к вербовке союзниками. Наши колонны, выдвигавшиеся к побережью Нормандии, постоянно находились под атаками партизан из числа гражданских, которые, вступая в бой, становились преступниками, в которых союзники превратили мирных жителей. Вместо трех дней наш марш продолжался 17. На основании свидетельств немецких солдат, которым удалось вырваться из рук *маки*, было подтверждено, что, так или иначе, в этих городках все – и мужчины, и женщины – были вовлечены в эту деятельность. Обычно, когда захватывали какого-нибудь *маки*, его просто отправляли в лагерь, если на нем не было убийства – таких казнили. Орадур стал городом, в котором немцев захватили в качестве заложников и потом убили безо всяких на то причин. Это был лишь один из многих случаев такого рода в том районе. В Дивизии *Das Reich* служило много эльзасцев, так что они говорили по-французски, пока шли расследование и допросы. Потом всех жителей городка собрали в церкви. Начался пожар, который вышел из-под контроля, чему помогли незаконно [хранившиеся там] бомбы, мины, гранаты, боеприпасы и взрывчатка. У меня такое чувство, что *маки* могли пытаться что-то спрятать в этой церкви и потом подорвали или подожгли все это, или же они хотели завязать бой, потому что там нашли много обгоревшего оружия. У солдат дивизии не было средств для гашения пожара.

Я хочу сказать, что солдаты из *Das Reich* никогда не убивали мирных жителей, и они не поджигали церковь. Должно быть, *маки* сделали что-то такое, что привело к пожару. У нас никогда не было такой цели – настроить людей против себя, и подобные происшествия были несчастными случаями, имевшими место посреди большого сражения. Таким образом, истинную картину произошедшего было трудно разглядеть, поскольку многие, кто

мог рассказать об этом, погибли. Я знаю: любого из тех, кто был виновен в убийствах немецких солдат или помогал в этом другим, ждала смертная казнь, и это не было военным преступлением.

Расскажите о службе в батальоне тяжелых танков *Тигр*...

Сначала дайте мне закончить предыдущую историю. Дивизия *Das Reich* была отправлена в Россию, чтобы помочь [отбить назад Харьков](#). Мой танковый полк уверенно справился с поставленными задачами. Я неплохо приспособился к моей новой роли командира танка, и мой экипаж хорошо работал как единое целое. Мы в основном сталкивались с *T-34*, у русских экипажей не было должной координации действий, но они атаквали большими массами, в чем заключалась их сила. Иногда мы вступали в бой против целого батальона, но мой наводчик был очень точен, и мы начали наращивать свой боевой счет. Это приносило в наши действия все больше уверенности, поскольку доверие друг к другу превратило нас в грозную боевую единицу. Нас использовали в качестве пожарной бригады при отражении атак русских, а потом перебросили под Курск. Множились слухи о том, что мы летом собираемся нанести русским мощный удар. Мы получили улучшенные боевые машины и все необходимое снаряжение. Когда началась [Цитадель](#), нам сопутствовал грандиозный успех: мы сметали со своего пути все, что нам противостояло. Русские значительно превосходили нас в численности, но мы продолжали двигаться вперед. Полагаю, мы оттеснили противника более чем на 55 км, если мне память не изменяет. Мы оставили на своем пути сотни русских машин, мы видели много техники американского производства и с удовольствием поедали [С-рационы](#). С русскими пленными мы обращались хорошо и делились этими пищевыми пайками с ними.

8 солдат советской 239-й стрелковой дивизии, которые были схвачены и повешены в деревне Дудкино в качестве мести за большие потери в рукопашном бою в ночь на 26 ноября 1941 года. Дата съемки: 28 ноября — 8 декабря 1941 года.

Когда *Цитадель* была остановлена, мы были в ярости: мы чувствовали, что победа уже была у нас в руках. Русские истекали кровью, у нас же несмотря на тяжелые потери боевой дух оставался очень высоким. Это было горькое чувство, но приказ есть приказ, так что мы починились ему. Мы остались в арьергарде, отбивая слабые атаки русских, потом нам объявили, что мы снова отправляемся во Францию для отдыха и пополнения. 1943-й год складывался тяжело для Дивизии *Das Reich*. Я слышал о формировании новых батальонов тяжелых танков, так что, само собой, хотел оказаться в одном из них и получил перевод, поскольку у меня была хорошая репутация. Многие танкисты из Дивизии *Das Reich* перешли в новый 102-й Батальон Тяжелых Танков. Мне понравился *Тигр*: у него была

существенно усиленная броня, лучше были пушка и оптика. Обучение бою на нем было жестким и суровым, но мы чувствовали уверенность в этой новой машине и, на самом деле, горели желанием снова вступить в бой. Мы остались во Франции, поскольку ползли слухи о том, что англо-американцы собираются высадиться где-то на ее побережье и что мы будем первыми, кто встретит их.

Расскажите о [битве за Нормандию](#)...

Мы стояли на юге Франции, когда пришло сообщение о вторжении. Как я говорил ранее, путь, который мы должны были пройти за три дня, занял у нас 17 дней, поскольку союзники снабдили *маки* всеми видами оружия, которые только можно себе представить. Там были коммандо и английские шпионы, заброшенные во Францию для координации воздушной поддержки. 102-й Батальон был в составе Дивизии *Das Reich* и вступил в бой сразу по прибытии [на линию фронта], но он складывался странно, потому что в воздухе господствовал противник. Мы не решались на передвижения в дневное время и оставались в укрытиях, потому что вражеские самолеты атаковали все, что двигалось по дорогам. Они использовали ракеты, которые были весьма точными и эффективным оружием против нас, а их артиллерия, казалось, располагала неограниченным количеством боеприпасов в отличие от нашей, которой приходилось экономить снаряды, иногда не ведя огонь целыми днями. К моменту нашего вступления в бой сражение уже было проиграно. [Роммель](#) (Erwin Rommel) планировал бросить в бой большие силы сразу после того, как произойдет высадка, но из-за распрей между генералами этого не случилось. Когда союзники заняли пляжи, они уже победили, потому что после этого началась война на истощение, а мы очень сильно уступали в численности. Наша стратегия стала следующей: пытаться задержать их и заставить истечь кровью, но поскольку наше снабжение было сильно затруднено [действиями союзной авиации], прорыв их превосходящих сил теперь был просто вопросом времени...

Я расскажу Вам об одном своем наблюдении в этом сражении, - о том, о чем сегодня не упоминают историки. Союзники стреляли и бомбили настолько беспорядочно, что французы заплатили за это очень дорогую цену. Мы, допустим, просто проезжали через городок или деревню, и союзники начинали молотить по ним, не беспокоясь о гражданском населении, а потом оправдывали это тем, что мы расстреливали или казнили мирных жителей. На самом деле, мы не беспокоили французов, и много раз они приходили к нам и просили, чтобы мы оказали медицинскую помощь раненому члену семьи. Помню, как к нашему командиру пришел фермер и сказал, что американские парашютисты, приземлившись на его угодьях, приставали к его дочке, после чего их оставили там самих по себе. Так он хотел, чтобы мы пожаловались на них кому следует... Мне было жаль французов, потому что их страна опустошалась, но мы сражались за то, чтобы спасти Европу, и призывали всех встреченных местных жителей спрятаться в укрытиях, потому что самолеты союзников стали бы стрелять по ним, увидев их на дорогах. Я лично видел множество убитых мирных людей, погибших от хаотичного и неприцельного огня артиллерии и авиации союзников. В одном из городков погибли 15 мирных жителей, когда посреди него разорвался снаряд корабельного орудия, пока они все еще решали, уйти в укрытие или покинуть его. Все, что мы могли сделать, это помочь местным жителям похоронить убитых в неглубоких могилах и дать нашему капеллану возможность совершить панихиду.

Звучали заявления о том, что немцы совершали в Нормандии военные преступления. Вы что-нибудь подобное сами видели?

Нет, я не согласен с этим. Я не видел, чтобы какая-либо германская часть нарушила правила ведения войны. Нам в руки попадали диверсанты и вражеские солдаты в гражданской одежде, которых отправляли в полицию или [Милицию/Milice](#), чтобы они с ними разбирались. А вот видел я свидетельства преступлений, совершенных союзниками,

начиная с убийств гражданских лиц и кончая расстрелами сдавшихся в плен солдат. Я также слышал о обстрелах полевых госпиталей. Один госпиталь Дивизии *Hitlerjugend* попал в руки союзников, и многих раненых пристрелили. Лично я видел в бинокль, как группа эсэсовцев сдалась в плен и была расстреляна. Я приказал своему наводчику обстрелять солдат союзников, но это лишь выдало местоположение нашей засады и навлекло на нас ответный огонь. Кажется, союзники любят изображать все, происходившее там, как совершенное немцами военное преступление, я уверен, они сами не раз сталкивались с ситуациями, когда мирные жители становились жертвами их огня, но вместо того, чтобы признать свои ошибки и то, что от них доставалось гражданскому населению, им легче было сказать, что этих людей убили немцы просто из чувства ненависти. Могу сказать, что я ни разу не видел, чтобы немецкие солдаты убивали сдавшихся в плен солдат союзных армий. Я уверен, что какие-то случаи были, так как ожесточение росло и эмоции могли перехлестывать через край. Я видел, как один молодой паренек из СС ударил в лицо британского солдата, так его пришлось оттащить...

Как прошел оставшийся период войны, и каким был для Вас ее конец?

После того, как мы потерпели поражение в Нормандии и еле-еле выбрались из Фалезского котла, нам пришлось вернуться в Рейх для отдыха и пополнения. Наш батальон был перенумерован в 502-й. Я занялся спортом, чтобы поднять себе настроение, и играл в футбол столь часто, сколько было возможно. К этому времени Германия лежала в руинах, почти каждый городок или большой город были повреждены авиабомбами, но боевой дух оставался высоким. Осенью мы отдохнули и в начале зимы были брошены в [бой в Арденнах](#) в надежде на то, что удастся остановить западных союзников и потом сфокусироваться на русских. Это сражение сильно напоминало Нормандию: мы сильно уступали в численности, у нас не было поддержки с воздуха и резервов горючего, но мы дрались несмотря ни на что. Было холодно, погода была плохая, но по меньшей мере это прижало авиацию к земле. Мы прорвали оборону противника, но дороги сильно затрудняли передвижение *Тигров*. Начали мы хорошо, потом ситуация с горючим стала проблемной, мы страдали из-за плохого снабжения. Дороги были забиты, и маневрировать на них было очень трудно. К началу 1945-го все было кончено, на этот раз мы знали, что, если не произойдет чудо, мы проиграем. Нас отправили [на Восточный фронт], чтобы мы попытались [отбить Будапешт](#), но авиация союзников сильно затруднила наше передвижение, и к тому моменту нам противостоял враг, превышавший нас в численности более чем 10:1. У нас не было артиллерии, не было прикрытия с воздуха, количество боеприпасов было ограниченным.

Деревня Мальмеди. Убитые американские военнопленные...

Мы не сумели отбить Будапешт и понесли тяжелые потери. Потом нас перебросили на север, чтобы остановить наступление на Берлин. Мне вручил *Рыцарский Крест* генерал Пауль Хауссер, но это была *горько-сладкая* награда. Мои замечательные товарищи по экипажу сделали это возможным благодаря множеству достигнутых совместными усилиями боевых побед. Из-за того, что шел поздний этап войны, награждение прошло весьма неформально: не было визита в ставку *Фюрера*, и я уже вскоре снова вступил в бой. Наши танки действовали весьма успешно даже против нового тяжелого танка *Stalin* (так немцы называли танки серии ИС – ВК). Я стал мастером в организации засад против этих машин. В итоге наш танк вывели из строя, и я оказался в Берлине, где мне пришлось искать способ выбраться из города. Война была проиграна, мне больше нечем было воевать, и я сумел вырваться из Берлина с большой группой людей. Нам удалось пробраться на запад, мы надеялись, что нам удастся найти остатки тех, кто еще может сражаться, но на Эльбе мы набрали на американцев. Они обращались с нами, по большей части, хорошо, но украли у меня все вещи и награды. Мне удалось избежать отправки в руки к русским, так как я сражался против американцев в Нормандии и в Арденнах, и они хотели узнать поподробнее состав частей, противостоявших им. Меня незаконно продержали в плену до 1947 года. Поскольку Германия безоговорочно капитулировала в 1945-м, всех пленных должны были освободить, но союзники отказались дать согласие на мирный договор, чтобы в дальнейшем держать миллионы немцев в рабстве. Теперь они говорят, что это мы использовали рабский труд, но это неправда. Я встречал многих иностранных рабочих, когда находился в отпусках, и видел, что им позволялось свободно идти туда, куда им хотелось. Исходя из того, как они были одеты, могу сказать, что платили им хорошо.

Показательная казнь одиннадцати подневольных рабочих в Кельне 25 октября 1944 г. Пять из повешенных были вывезены на принудительные работы в Германию из Советского Союза. Кроме того, в числе казненных был один хорват и предположительно один француз или бельгиец, так как в документах гестапо упоминаются допросы с помощью переводчика на французский язык. Имеются сведения о шестерых казненных. Это: поляки Бронислав Добановский (1924 г.р.) и Вольдемар Каземба (1925 г.р.), советские граждане Иван Комашко (1924 г.р.), Иван Ориховский (1923 г.р.), Иван Воловский (1923 г.р.), хорват Василий Роман-Цар (1922 г.р.). Казнь состоялась в городском районе Эренфельд (Ehrenfeld) на углу улиц Хюттенштрассе (Hüttenstraße) и Шёнштрассе (Schönstraße). Часть Хюттенштрассе называется ныне Бартоломеус-Шинк-Штрассе (Bartolomäus-Schink-Straße), в честь немецкого юноши, который был казнен вместе с другими немцами на этом же месте 10.11.1944 года. В центре фото находится человек, одетый в гражданскую одежду (личность не установлена, предположительно это сотрудник гестапо). Он держит ноги одного из повешенных на весу, так как веревка оказалась слишком длинной.

Из представления Пауля Эггера к Рыцарскому Кресту:

14.07.1944 англичане заняли [Высоту 112](#), за которую велись ожесточенные бои, после многочасового артобстрела и широкого использования дымовых завес. В ответ на это обершарфюрер СС Эггер, командир взвода 1-й Роты 102-го Танкового Батальона (1./s.SS-Panzer-Abteilung 102) незамедлительно организовал контратаку сквозь мощный дымовой заслон силами четырех Pz VI. Несмотря на плотный дым Эггер умело вывел свой взвод во фланг противника, и в последовавшем за этим бою были уничтожены 14 вражеских танков и 7 тяжелых противотанковых пушек. Преследование противника дало возможность пехоте возможность восстановить прежние позиции. Своими самостоятельными действиями обершарфюрер СС Эггер внес решающий вклад в повторное занятие Высоты 112. В ходе этой атаки обершарфюрер Эггер и его экипаж уничтожили 7 вражеских танков, после чего его личный боевой счет уничтоженных вражеских танков увеличился до 68.

<https://altcensored.com/watch?v=OqZhyRE0zCs>

<https://waralbum.ru/297204/>

https://stalinogorsk.ru/poveshennye_239sd_v_spasskoe

ИНТЕРВЬЮ С ЭРХАРДОМ ГУРСОМ (ERHARD GURS) – ДИВИЗИЯ *LEIBSTANDARTE SS ADOLF HITLER*

Эрхард Гурс в молодости (слева) и в старости (справа)

Поскольку дивизия, в которой Вы служили, в начале пути представляла из себя личную охрану Гитлера, каково было ощущать себя частицей такого элитного соединения?

Многие граждане моей родной страны рассматривают нас как преступников, которые заслуживают тюрьмы. Это показывает лишь то, насколько они сбиты с толку и распропагандированы, просто беда. Да, я находился в рядах *ЛАН* и служил вместе с некоторыми из лучших людей, которых когда-либо рождала эта нация. Мы были молодыми людьми, полными энтузиазма, и хотели послужить своей стране. Я оказался в панцергренадерском батальоне *ЛАН*, моим командиром был [Йоахим Пайпер](#) (Joachim Peiper). Может, это имя Вам знакомо?

Я служил в *ЛАН* на Восточном фронте, в Италии и в Нормандии. Едва не потеряв руку, я оказался в госпитале, уже не годным к строевой службе... Мы считали себя элитой группой людей, так нас смотрели остальные. Если человек состоял в СС, на него смотрели как на представителя элитного воинства, если он служил в *ЛАН*, он принадлежал к верхушке этой элиты.

Как Вы стали офицером в такой элитной организации как Ваффен СС?

Войска Ваффен СС отличались от армии тем, что в них каждый мог стать офицером. Армия все еще придерживалась классовых принципов, так что ты должен был быть представителем высоких слоев общества, чтобы быть принятым в офицерскую школу. Этому мог способствовать уровень образования, но обычно какой-нибудь пекарь никогда бы не стал офицером.

В Ваффен СС рассматривали человека в целом независимо от того, откуда он и каково его прошлое. Если у тебя были лидерские способности, если ты проявлял компетентность в полевых условиях, тебя могли или рекомендовать, или ты могли подать соответствующее заявление. Допуск был строгим: сначала нужно было пройти тесты. Чтобы стать офицером, человек должен был получить рекомендацию одного из командиров или получить

назначение приказом сверху. Если ты проявлял себя хорошо в полевых условиях, тебя должны были заметить. Нужно было пройти психологический тест, и это было нелегко, потому что при этом искали любую возможность срезать тебя. Позднее, уже в ходе войны, от этой практики отказались.

Став кандидатом в офицеры, ты получал направление в размещенную в казармах специальную школу, где подготовка была сфокусирована на лидерстве, выполнении приказов, юрисдикции, взаимоотношениях с солдатами, проблемами, с которыми ты мог столкнуться, и так далее. Стать офицером в Ваффен СС означало, что ты становился на ступень выше других, и, скажу я Вам, девчонки не сводили с нас глаз, когда мы шли по улице.

Вы воевали на Восточном фронте. Могу я спросить Вас, каким он был для Вас?

Да, но сначала я хочу рассказать Вам, как мы там оказались, если Вы еще не в курсе. Сталин настроил Россию на экспансию на запад, они открыто оговорили о том, что их цель – мировая революция, и, если понадобится, для этого нужно применить силу. Они к тому времени уже показали, что будут захватывать земли силой или угрозами. Германия для Сталина была преградой, в каком-то смысле, она была щитом, защищавшим Европу от нападения [с востока].

Пока Европа затаилась в страхе, спрятавшись за спиной Америки в поисках защиты от России, Германия избавила ее от самого кошмарного. У Гитлера были соответствующие данные разведки, из которых было ясно, что наступит момент, когда произойдет нападение, так что он ударил первым. Огромное количество захваченных при этом военных материалов просто поражало воображение. Большая их часть была использована нами в войне против России или передана нашим союзникам. Продовольственные запасы пришлось отдать гражданскому населению, которое пострадало от тактики *выжженной земли*. Современная историческая наука не говорит о том, что Сталин приказал уничтожать все [на оставляемых территориях]. Это означало, что весь домашний скот, здания, плотины, колодцы, города и деревни должны были быть уничтожены, о людях при этом никто не беспокоился.

Они смотрели на каждого, кто остался позади и не ушел с отступающими, как на предателя. Ирония заключается также в том, что историки забыли о тех миллионах, кто остался и помогал Германии всеми возможными способами. Был рожден миф о рабском труде [на оккупированных территориях], чтобы скрыть тот факт, что так много людей шли к нам, чтобы помочь, и потом действительно помогали нам. Война на востоке была трудной, и погодные условия делали ее еще трудней. Я был под Харьковом и ни разу не видел, чтобы где-то еще было так же холодно, заснежено и тягостно. Гражданское население уходило, из-за чего продвижение по грунтовым дорогам становилось еще более затруднительным. Нашей бронетехнике приходилось очень тяжело. Может, Россия и была хороша с точки зрения ее ландшафтов, но у меня нет планов когда-нибудь вернуться туда.

Вы упомянули службу под началом Йоахима Пайпера. Что он был за человек?

Он был человеком, которого приятно было встретить: веселый, дружелюбный, нравившийся почти всем. Он был очень молодым офицером и своим быстрым взлетом был, по большей части, обязан своей службе в СС на ранней стадии их существования, при штабе рейхсфюрера СС. Я был удивлен, узнав, что он был женат, когда впервые встретил его, настолько юным он выглядел. Он был превосходным лидером и вел за собой своим примером. Могу сказать Вам, что, став командиром танкового полка, он был разочарован тем, что другие не улавливают его методы наступления, так что ему пришлось использовать свой прежний батальон, чтобы показать подчиненным, как это делается. Он был очень терпеливым, ему нравился всесторонний, но практичный подход к делу, при этом он требовал от нас, чтобы мы уважали мнения друг друга. Он не боялся говорить о

том, о чем непросто было говорить вслух. Мне лично он в 1943-м сказал, что война проиграна. Он не видел способа одолеть все те силы, которые поднялись против нас. Он, будучи национал-социалистом, понимал: темные силы всего мира преуспели в том, чтобы объединиться против нас, и хотят нашей крови, потому что их вывели на чистую воду. Но несмотря на все это, сказал он, мы должны сражаться, чтобы остановить идущие на нас с востока орды, которые растерзают наших женщин и поработят наших детей. Исходя из того, что произошло на востоке, он оказался прав.

Я могу сказать с гордостью, что знал его и называл его своим другом. Надеюсь, что когда-нибудь мы найдем тех [трусов, которые убили его](#). Он был убит в своем доме теми, кто, как мы предполагаем, были остатками состоявших когда-то в рядах коммунистов-подпольщиков. Они убили его, его собаку, а потом сожгли его дом. Меня не покидает вера в то, что в перенесенных нами страданиях и боли была какая-то высшая цель. Благодаря этой вере я знаю, что обвиняющих нас во всех грехах ждет суд за то, что они сотворили. Кажется, они ушли от ответственности, и в то же время пресса превращает нас в объекты ненависти и нападок. Они говорят, что это мы совершили все эти преступления и убивали евреев, но, в конце концов, нас будет не в чем винить.

Участвовали ли Вы в Курской битве? Если да, то что это было?

Да, я был там все еще в составе тяжелого панцергренадерского батальона, мы были в самом эпицентре сражения. Помню, что это был жаркий июнь, когда все началось. И было очень влажно. Настрой у нас был таким, что мы были преисполнены уверенности в себе, поскольку для нас это было решающим сражением за окончательную победу. Или мы должны были победить, или нам приходил конец. Так что каждый из нас дрался как дьявол, чтобы добиться победы.

Советы построили множество линий обороны, чтобы встретить наше наступление, поэтому нам пришлось прорывать один пояс за другим. Мы преуспели в этом и пробили бреши в этих оборонительных полосах. Они наносили удары по нам всем, что у них было под рукой, и мы несли потери, но сама наша воля к победе отбрасывала их. Помню, что впервые за долгое время я стал думать о том, что мы возьмем вверх. Мы взяли много пленных, которые говорили нам, что их оборона рухнет и что с Красной Армией все кончено. Это заставляло нас драться с еще большим ожесточением, было трудно уснуть, и мы хлестали кофе или чай словно воду. Воздушные бои и артиллерийская стрельба постоянно напоминали нам о том, что сражение продолжается. Для нас это было вот чем: здесь, на востоке, в этом бою решается судьба Европы, и мы не хотим проигрыша. Дивизия *Leibstandarte* вклинивалась все глубже в брюхо противника, и мы продвигались вперед несмотря на то, что русские бросали в бой свои резервы. Прогресс смятия [Пакфронта](#) и вражеских укреплений был медленным, но мы продолжали идти от холма к холму, от траншеи к траншее. Мы часто использовали гранаты, забрасывая их за брустверы окопов, когда приближались к ним. Нашим саперам приходилось быстро прокладывать нам путь вперед. В итоге оказалось, что все было тщетно: [события в Италии](#) стали катастрофой, и в случае ее падения союзникам открывался путь с юга на север. Фюреру не оставалось ничего другого кроме отвода дивизий с фронта и переброски их в Италию. Многие из нас согласны в том, что победа была в пределах досягаемости, и, если бы у нас было больше времени...

Какой была для Вас Италия? Я читал о том, что там совершались военные преступления, правда это или нет?

Да, преступления совершались, но не немецкими солдатами. *Leibstandarte* получила приказ выйти из боя под Курском и готовиться к отправке в Италию. Люди были сбиты с толку, но выполнили приказ на 100%. Мы должны были подготовить нашу технику к отправке по железной дороге, и это заняло какое-то время. Прибыв на место, мы получили приказ разоружить итальянцев и, если понадобится, применить силу. Некоторые из них

вознамерились воевать: один толстый офицер сказал Пайперу, что уничтожит нас, если мы не уберемся восвояси. Помню, как он сказал: «Друг решает стать врагом», и мы подготовились к тому, чтобы вступить в бой.

Там было много итальянцев, которые приветствовали нас и вовсе не хотели никаких новых сражений. Было много тех, кто действовал как парламентарий, и многие [итальянские] солдаты капитулировали. Должен сказать Вам, что здесь мы подходим к теме террористов, которые были коммунистами и находились в подполье. Начались атаки на немецких солдат и офицеров, кто-то был ранен, кто-то убит, кто-то попал в заложники. Это разозлило наших командиров, и они, руководствуясь добрыми намерениями, пытались решить проблему без применения силы. Мы ведь только-только вышли из тяжелых боев, и нам нужно было время для отдыха и восстановления сил. У нас не было времени на то, чтобы разбираться с террористами.

Мемориал в [Марцаботто](#)/Marzabotto. В этом городке недалеко от Болоньи в конце сентября – начале октября 1944 года эсэсовцы уничтожили около 770 мирных жителей. На снимке - фотографии погибших 3 октября 1944 года

Но они не хотели уйти с миром, они начали обстреливать наши колонны из минометов, их снайперы стреляли по немцам. Они требовали деньги за возвращение заложников. В итоге мы получили приказ войти в город, в котором они засели по норам, и, как только мы вступили в него, они открыли огонь из окон домов. Нам не оставалось ничего другого, как подтянуть артиллерию и начать обстрел их позиций. Теперь проблемой стало то, что в городе жили люди, и местные или не могли, или не хотели уходить из него. Наши пушки открывали огонь по всем точкам, откуда стреляли террористы. Это вызвало пожары и сильные разрушения, гражданское население страдало, но мы не знали об этом: мы считали, что местные жители или ушли, или стреляют в нас.

Это обернулось дикими боями, которые катились от дома к дому, и тут мы стали наталкиваться на гражданских. Теперь нам нужно было быть очень осторожными, и мы стали отправлять вперед союзных с нами итальянцев, чтобы договариваться о прекращении огня. Оно было достигнуто, заложники были освобождены, плюс к тому нам отдали тело солдата, который был убит выстрелом в затылок. Когда мы начали отдавать приказы об оставлении города, террористы снова стали палить по нам из минометов. Наши командиры были вне себя, и, в то время как нас продолжали обстреливать, поступил приказ открыть огонь. Мы пытались подмечать, откуда они стреляют, но это было сложно, и несколько домов было разрушено в попытках выбить из них противника. В бой было брошено большее количество людей, и мы в итоге выбили их и взяли под контроль город, мэр которого был очень разгневан. Полагаю, позднее террористы убили его и священника, потому что они помогали нам подтянуть [итальянских] солдат, которые слышали шум боя и приходили, чтобы увидеть, что еще можно сделать. Многие солдаты, которых прислали

для участия в разоружении, приняли решение вступить в [Новую армию](#), которую формировал Муссолини. Они принимали присягу, и их отпускали. Мы внимательно следили за ними, потому что не доверяли им. Помню, как Пайпер приказал выпустить листовки с предупреждениями о том, что любой акт противодействия нам будет караться всеми имеющимися у нас средствами...

Вплоть до 1960-х не говорилось ни слова об этих боях, потом коммунисты стали выступать с заявлениями о том, что мы убили сотни женщин и детей. Я видел только одного гражданского, убитого артогнем, но не сотни. Некоторые местные жители активно помогали террористам, я знаю, потому что видел, как они стреляют по нам. На них не было никакой военной формы. Это был простой случай, когда в город вступили бойцы иррегулярных отрядов, которых укрывали [гражданские лица] и которым давали возможность действовать против нас. Когда мы вступили в город, чтобы отбить заложников, по нам стали стрелять, и нам пришлось открыть ответный огонь. Террористы использовали мирных жителей как живой щит, а потом стали вопить, когда мы, не зная об этом, вели огонь по ним.

Нет никаких сомнений, что погибали невинные люди, и это трагедия, но мы не совершали преступлений. Нам пришлось вступить в бой с противником в том месте, которое он выбрал сам, и ситуация была такой: или отвечаешь огнем на огонь, или тебя убивают. Теперь политики по всему миру хотят, чтобы все думали, будто мы пришли и зверским образом напали на мирных жителей, но это неправда.

Если не считать этого случая, проведенное нами в Италии время было прекрасным и спокойным. Отношения с итальянцами у нас были хорошими, и мы даже обучали некоторых из тех, кто остался с Муссолини. Из них сформировали даже дивизию СС. Мы хорошо питались, расслаблялись и наслаждались всем тем, что позволяла война.

Вы были на линии противостояния вторжению союзников в Нормандию. Расскажите, каким оно было для Вас...

Ну, я едва не потерял руку в этом сражении, так что ничего хорошего там не было. Я помню то, что *LAN* прибыла на фронт по частям из-за господства союзников в воздухе: на то, чтобы пройти несколько километров, уходили дни. Мы постоянно получали известия о развитии ситуации, и, по моим воспоминаниям, победить в том сражении было невозможно. Чтобы победить в сражении, нужно было отразить атаку противника, как это было сделано [под Дьеппом](#). Я знал, что, если союзники займут плацдарм, все будет кончено. Надеяться на то, что наших немногочисленных сил хватит на то, чтобы сбросить врага в море, было самообманом. Я уверен, Вы не знали о том, что десант натолкнулся лишь на очень слабое сопротивление. Я знаю людей, которые находились на побережье, и сил у них было немного, в ряде мест союзники просто пешком вышли на берег. Они быстро преодолели всякое незначительное сопротивление и в первый день продвинулись на несколько километров вглубь суши. Только войска Ваффен СС сумели нанести им удар и дать почувствовать вкус потерь.

Нам было трудно передвигаться в дневное время, нужно было постоянно иметь при себе наблюдателей, которые могли бы следить за вражескими самолетами. Эти чертовы парни стреляли по всему, что двигалось, у нас были пленные, которые погибали под их пулями. Они хвастались тем, насколько они точны, так что возникает вопрос: они что, делали это преднамеренно? Они стреляли даже по местным жителям, о которых нам приходилось заботиться и которых приходилось хоронить.

Из-за той мощи, которой располагали союзники, нам в основном приходилось оставаться в обороне. В нескольких атаках нам сопутствовал успех, пока нас не накрывала огнем корабельная артиллерия. Ребята из *LAN* устраивали врагу адскую трепку, когда он атаковал нас. У нас было оружие, которое могло сокрушить любой танк союзников, и мы

собрали богатый урожай уничтоженной бронетехники противники. Битва за Нормандию продолжалась два месяца, но мы не могли остановить союзников с их материальной мощью. У них не было нехватки в людях, артиллерии, боеприпасах, горючем и провианте. Напротив, наши тыл были все время под ударами или с воздуха, или со стороны партизан.

Я был ранен в седьмой раз, и на этот раз доктора хотели ампутировать мне руку. Я сумел сохранить ее... На войне я потерял двоих братьев, и, таким образом, по указу Фюрера, все последние из выживших в одной семье освобождались от службы на передовой. Моя фронтовая служба осталась позади, и я был помещен в офицерский резерв.

Что Вы скажете по поводу того, что Ваффен СС объявили преступной организацией:

Я полагаю, все эти обвинения являются абсолютно необоснованными и имеющими политическую природу. Если бы они дождались того, что мы все уйдем, и потом предъявили бы их, они могли бы добиться успеха. Но они обвинили нас тогда, когда мы еще можем защитить себя, во всяком случае, на Западе, потому что на Востоке такой возможности нет. В Италии, например, местные суды, которые рассматривали свидетельства, не нашли ничего. Они заявили о том, что нет доказательств того, что убивали мирных жителей, а те, кто был убит, сами выбрали себе такую судьбу, сражаясь против нас. Во Франции было то же самое: у нас были защитники, часто французы, которые говорили о том, что никаких преступлений не совершалось. Расстрелы партизан, как возмездие, были законными, и так поступали все воюющие стороны.

Британские солдаты, расстрелянные эсэсовцами в [деревне Ле Парадю/Le Paradis](#) 27 мая 1940 года

По всей Европе с нас снимали обвинения, так поступили даже американцы, когда были рассмотрены истинные свидетельства происходившего, даже Йоахима Пайпера отпустили. Были отпущены многие из тех, кто был приговорен к смертной казни, так как факты показали, что преступлений не было. Даже [Мальмеди](#) не было преступлением: американцы атаковали конвоиров или стали разбегаться. Подошедшие солдаты открыли огонь, потому что там была неразбериха, и они не знали, что перед этим эти парни сдались в плен.

Тела черных солдат 333-го Дивизиона, расстрелянных [у деревни Верет/Wereth](#) 17 декабря 1944 года

В каждом из случаев, о которых мне доводилось слышать или которые приходилось рассматривать, не было доказательств казней гражданских лиц. Казнили только террористов, партизан и саботажников, и это не противоречило правилам ведения войны. Могу сказать, как германский офицер, что, если любой из нас сотворил что-то подобное, его ждали бы самые суровые последствия. Среди нас были люди, которых наказывали за запугивание гражданских или за кражи у них. Нам были нужны хорошие отношения с мирным населением, нам не нужно было делать из них врагов.

Ну а что насчет концентрационных лагерей, нет ли у Вас чувства, что там творились неблагоприятные дела?

Молодой человек, я не служил в лагерях и ничего не могу сказать об этом. Я знал товарищей, которые там были, и, если вы спросите их, они скажут Вам, что ничего плохого там не происходило. Они скажут Вам, что несмотря на то, что рассказывали сами заключенные, со всеми ими обращались хорошо, если они не нарушали установленных правил. Проблемы возникли в конце войны, и тогда и в самом деле в лагерях умерло много людей. Возможно, Вам говорили: союзники сами виноваты в том, что в лагерях сложилась трудная ситуация, с которой они сами столкнулись. Я служил в Ваффен СС, и мы не имели ничего общего с этим: мы служили своему народу в военное время и сражались с честью. Мне нечего больше сказать по поводу мифов о том, что происходило в лагерях.

Узницы Освенцима сортируют обувь венгерских евреев, умерщвленных в газовых камерах...

<http://www.mourningtheancient.com/index1.htm>

Перевод – Владимир Крупник

Автор перевода благодарит А.В. Исеева за редакцию статьи

Возврат к главной странице www.warsstory.org